

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

Арктика и Север. 2022. № 49. С. 152–173.

Научная статья

УДК 316.34(98)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.152

Готовность социальной среды к включению «нетипичного» ребёнка в региональный социум евро-арктических территорий России

Афонькина Юлия Александровна¹, кандидат психологических наук, доцент
Жигунова Галина Владимировна^{2✉}, доктор социологических наук, доцент

^{1,2} Мурманский арктический государственный университет, ул. Капитана Егорова, 15, Мурманск, Россия

¹ julia3141@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4147-0634>

² galina-zhigunova@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>

Аннотация. Актуальность исследования состояния социальной среды регионального социума определяется развитием инклюзивных процессов, предполагающих включение людей с инвалидностью в общественную жизнь как полноправных членов общества. В данном ключе важно понимание уровня готовности социума к включению в него детей-инвалидов по причине масштабности инвалидизации детского населения и существующей потребности в создании специальных условий для позитивной социализации детей данной категории. Особую актуальность вопросы создания инклюзивных условий среды имеют на Евро-Арктических территориях, отличающихся существенными рискам здоровью и качеству жизни населения. С целью выявления уровня готовности социальной среды регионального социума в статье предпринято теоретико-эмпирическое исследование, включающее анализ характеристик социальной среды и подходов к определению её доступности в отечественных и зарубежных исследованиях, авторскую типологию частных социальных сред, а также оценку состояния инфраструктурных и социально-психологических барьеров для детей с инвалидностью по результатам проведённого в 2022 г. авторского онлайн-анкетирования населения арктических территорий Северо-Западного федерального округа (n=861, выборка пропорциональна числу жителей арктических территорий). В результате анкетирования были выявлены существующие барьеры инклюзии исследуемых территорий, что имеет важное значение при реализации мер социальной политики в создании безбарьерной среды для подрастающего поколения со стойкими нарушениями здоровья.

Ключевые слова: дети с инвалидностью, нетипичность, «нетипичный» ребёнок, социальная инклюзия, социальная среда, доступная среда, безбарьерная среда, Евро-Арктический регион

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-00795, <https://rscf.ru/project/22-28-00795/>.

* © Афонькина Ю.А., Жигунова Г.В., 2022

Для цитирования: Афонькина Ю.А., Жигунова Г.В. Готовность социальной среды к включению «нетипичного» ребёнка в региональный социум евро-арктических территорий России // Арктика и Север. 2022. № 49. С. 152–173. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.152

For citation: Afonkina Yu.A., Zhigunova G.V. Readiness of Social Environment for Inclusion of “Atypical” Children in Regional Society of the Euro-Arctic Territories of Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 49, pp. 152–173. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.152

Readiness of Social Environment for Inclusion of “Atypical” Children in Regional Society of the Euro-Arctic Territories of Russia

Yulia A. Afonkina¹, Cand. Sci. (Psych.), Associate Professor

Galina V. Zhigunova²✉, Dr. Sci. (Soc.), Associate Professor

^{1,2} Murmansk Arctic State University, ul. Kapitana Egorova, 15, Murmansk, Russia

¹ julia3141@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4147-0634>

² galina-zhigunova@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>

Abstract. The relevance of studying the state of the social environment of a regional society is determined by the development of inclusive processes that involve the integration of people with disabilities into public life as full members of society. In this regard, it is important to understand the level of readiness of society to include disabled children due to the large-scale disability of the child population and the existing need to create special conditions for the positive socialization of children in this category. The issues of creating inclusive environmental conditions are particularly relevant in Euro-Arctic territories, which are characterized by significant risks to health and quality of life of the population. In order to identify the level of readiness of the social environment of regional society, the article undertakes theoretical and empirical research, including an analysis of the characteristics of the social environment and approaches to determining its accessibility in domestic and foreign studies, the author’s typology of private social environments, as well as an assessment of the state of infrastructural and socio-psychological barriers for children with disabilities based on the results of the author’s online questionnaire survey of the population of the Arctic territories of the Northwestern Federal District conducted in 2022 (n=861, the sample is proportional to the number of residents of the Arctic territories). The survey revealed the existing barriers to inclusion in the studied territories, which is important in the implementation of social policy measures to create a barrier-free environment for the younger generation with persistent health disorders.

Keywords: *disabled children, atypicality, “atypical” child, social inclusion, social environment, accessible environment, barrier-free environment, Euro-Arctic region*

Введение

В современном обществе развитие инклюзивных процессов, направленных на включение лиц с инвалидностью во все сферы жизнедеятельности наравне с другими гражданами, объективировало ряд социальных задач, нуждающихся в первоочередном решении. Среди них выделим создание доступной среды, которая сегодня в региональном социуме сформирована недостаточно [1, Жигунова Г.В., Афонькина Ю.А., с. 012035].

Подчеркнём, что для подлинной, а не формальной, социальной инклюзии людей с инвалидностью необходима не только инфраструктурная доступность, но и возможность использования ими ресурсов социальной среды на основе максимально возможного проявления субъектной активности по удовлетворению своих потребностей, приобщения к культурным и иным благам общества, социальным практикам [2, Афонькина Ю.А., с. 8–9].

Изучение доступности среды с точки зрения региональной специфики находится в фокусе многих современных исследований, результаты которых отражают состояние доступности как разных сфер жизнедеятельности для людей с инвалидностью, так и в целом территорий с учётом особенностей регионов [3, Усова Л.В., с. 29–30 и др.]. Значение региональных исследований определяется тем, что возрастает роль социологического знания при

изучении глобального, регионального (национального) социального пространства, обусловленного сменой цивилизационных ценностей [4, Дрегалю А.А., Ульяновский В.И., с. 56].

Можно утверждать, что инклюзия людей с инвалидностью сегодня задаёт новый смысл и новые инструменты социального развития регионов. Исследование особенностей региональной среды с точки зрения её доступности для включения людей с инвалидностью имеет важное значение для понимания специфики процессов, происходящих в современном обществе, с эвристической, прогностической и прикладной точек зрения. В первом случае речь идёт о получении нового социологического знания о взаимодействиях и взаимоотношениях личности и среды в условиях развития инклюзивных процессов, во-втором — о выявлении направлений и тенденций развития социальной инклюзии в современном российском социуме, а в третьем, — о разработке обоснованных механизмов и способов социального управления общественными процессами для обеспечения независимой жизни людей с инвалидностью.

Среди людей с инвалидностью следует выделить в особую социальную группу детей-инвалидов, социализация которых протекает в существенно затруднённых условиях. Её способы и формы признаются социумом «ненормативными», а сам ребёнок наделяется «нетипичностью» [5, Скворцова В.О., с. 168].

Специфика включения в социум «нетипичного» ребёнка определяется, с одной стороны, его зависимостью от социального окружения, которое далеко не всегда учитывает потребности подрастающего человека в инклюзии и создаёт для этого необходимые условия, а с другой стороны — максимальной сензитивностью к социальным воздействиям.

Мы полагаем, что ребёнок с инвалидностью (с учётом его нешаблонных / нестандартных / своеобразных способов включения в социальные процессы) нуждается в трансформации социальной среды, которая может быть обоснованно обеспечена только на основе современной научной базы. В то же время следует подчеркнуть, что на сегодняшний день не сложилось системное представление о доступности для «нетипичного» ребёнка современной социальной среды, что затрудняет проектирование условий и использование ресурсов его включения в разные социальные среды региональных социумов.

Отметим, что с позиции анализа региональной специфики в контексте доступности социальной среды особый интерес представляют Евро-Арктические территории, которые отличаются существенными эколого-климатическими рисками, негативно влияющими на состояние здоровья населения, в том числе детской популяции [6, Ревич Б.А., с. 395–396 и др.].

Таким образом, исследование состояния социальной среды регионального социума для «нетипичного» ребёнка на Евро-Арктических территориях выступает актуальной научной задачей, решение которой имеет теоретическую значимость для развития социологии социальной среды и практическое значение с точки зрения управления развитием инклюзивных процессов в современном обществе.

Материалы и методы

В исследовании использовались на теоретическом уровне — общенаучные и частнонаучные методы, такие как: аналитико-синтетический и системный методы, методы индукции, дедукции и сравнительного анализа, структурно-функциональный метод; на эмпирическом — онлайн-анкетирование и метод статистической обработки данных с помощью программы IBM SPSS Statistics.

Материалами исследования выступают социологические теории, концепции и подходы, которые позволили составить методологическую платформу изучения готовности социальной среды для «нетипичного» ребёнка в региональном социуме на Евро-Арктических территориях, а именно:

1. Теория нетипичности Е.Р. Ярской-Смирновой, рассматривающая нетипичность индивида как результат социального конструирования. С позиции социокультурного анализа нетипичности преодоление изоляции в обществе людей с инвалидностью требует устранения не только физических, но и символических барьеров, подразумевающих социальную оценку инвалидности как ограниченных возможностей, аномалии и непригодности, также приписывание маргинального характера социальной жизни ребёнка с инвалидностью и его семьи [7, с. 26].

2. Сложившиеся в отечественной социологии концепции доступной и безбарьерной среды. Прежде всего отметим концепцию Э.К. Наберушкиной, анализирующую указанные понятия через призму универсального дизайна как идеи социального равенства и, следовательно, строгих требований к организации социальной среды российского общества [8, с. 206]. Устранение барьеров социальной среды рассматривается учёными в качестве важнейшего условия независимой жизни людей с инвалидностью [9, Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р., с. 67]. При этом формирование безбарьерной среды, по мнению с Никоновой А.А., невозможно без трансформации общественных связей, ценностей, норм и практик [10, с. 176].

3. Теория институциональной организации ювенальной инвалидности Г.В. Жигуновой, согласно которой социальное конструирование феномена инвалидности как коллективного факта общественного сознания осуществляется институциональными средствами и в институциональных формах социальной реальности. Специфика проблем ювенальной инвалидности определяется тем, что любое отклонение в физической и / или психической сфере ребёнка, нарушая формирование у него психосоциальных функций, негативно влияет на его социальную идентичность. В свою очередь, идентификация и самоидентификация человека с инвалидностью в качестве неполноценного субъекта препятствует его социальной адаптации и самореализации, приводя к социальной исключённости [11, Жигунова Г.В., с. 68–70].

4. Авторская интерпретация средового подхода к анализу инклюзивных процессов, который в настоящем исследовании позволяет раскрыть тенденции развития доступной

среды на основе анализа сложных и нелинейных взаимосвязей человека с инвалидностью и средовых ресурсов в ходе его взаимодействий и взаимоотношений со средой как метасистемой, предполагающей единство правовой, социокультурной, материально-технической, социально-психологической и других систем.

5. Концепция, раскрывающая социологический потенциал исследования социального пространства северных регионов А.А. Дрегалю и В.И. Ульяновского [4, с. 60]. Опираясь на многоплановое понимание объекта социологического анализа локальной социальной общности указанных учёных, мы рассматриваем региональный социум в качестве целостной подсистемы общества, а значит, отражающей глобальные общественные тенденции. Кроме того, региональный социум рассматривается нами и как система социальных действий через конкретные случаи сознания и поведения в отношении людей с инвалидностью, а также как сфера коммуникации и солидаризации населения, проявляющаяся в отношении представителей региональных социумов к данной категории лиц. При определении предмета исследования в рамках данной концепции мы исходили из рассмотрения социальных факторов доступности в региональном социуме в качестве результата активности агентов социальных институтов и социальных действий / взаимодействий, структур регионального социума; системных элементов локальной социальной среды, анализ которых раскрывает обеспечение доступности на микросоциальном уровне, позволяет выявить изменяющуюся социальную реальность локальной среды и определить состояние происходящих в региональном социуме процессов.

6. Результаты авторского эмпирического исследования, проведённого в 2022 г. среди жителей арктических территорий Республик Карелия и Коми, Ненецкого Автономного округа (далее — НАО), Мурманской и Архангельской областей (без учёта НАО) методом онлайн-анкетирования по проблемам социального функционирования детей с инвалидностью в условиях развития инклюзивной социальной среды регионов Евро-Арктических территорий при пропорциональной репрезентативной выборке в объёме 861 человек.

Обсуждение

Теоретико-эмпирический анализ инклюзивных процессов неизбежно обращает внимание на категорию социальной среды, которая нашла широкое отражение в классических и современных социологических подходах. Так, ещё Э. Дюркгейм с изменениями среды связывал социальный прогресс [12, с. 18]. Т. Парсонс объяснял среду как неотъемлемый атрибут системы действий [13, с. 6–7], когда взаимодействие с окружающей средой, регулирование доступа к материальным ресурсам характеризует самодостаточность общества.

Социальная среда в ряде зарубежных социологических исследований рассматривается не как пространство, а как система мест. Например, в работе Р. Баркера обсуждается категория «места поведения», которая объединяет физические свойства места и присущий ему паттерн поведения людей [14, Barker R.G.].

Интерес представляет интерпретация социальной среды в рамках социологии города с точки зрения его физического устройства как фактора распределения социальных ролей граждан и их дискриминации [15, Парк Р.; 16, Wirth L., с. 1–24].

Среди современных зарубежных исследователей отметим работы, рассматривающие специфику влияния барьеров на продвижение независимости людей с разными потребностями [17, Mooney F., Rafique N., Tilly L., с. 241–246; 18, Sandjojo J., Gebhardt W.A., Zedlitz A., Hoekman J., с. 37–52; 19, Sandjojo J., Gebhardt W.A., Zedlitz A., Hoekman J., с. 111–122]. Значение потребностей лиц с инвалидностью в организации социальной среды отражено в исследовании E.P. Tudzi, J.T., Bugri, A.K. Danso, которые на примере студентов с инвалидностью показали отсутствие должного понимания в обществе инклюзивных потребностей людей, имеющих инвалидность, что отражается в проблемах коммуникации, доступности транспорта и физической среды [20, с. 275–294].

В отечественных социологических подходах социальная среда рассматривается как сосредоточие взаимоотношений человека и общества, опосредованных совокупностью определённых условий, индивидуального и общественного [21, Ханнанов Ш.К., с. 74–77]. Ж.Т. Тощенко включает категорию среды в концепцию социологии жизни, рассматривающей сознание, поведение и отношение человека к изменению социального статуса индивидов, а также общественную среду социальной жизни человека на разных уровнях социальной реальности [22, с. 7].

Социальная среда раскрывается как совокупность общественных отношений, преобладающих идей и ценностей, продуктов и результатов человеческого труда, творчества, научного поиска. Для отдельного человека она выступает ближайшим жизненным пространством, пространством повседневности. Однако важно подчеркнуть, что и в том, и в другом случае человек является и элементом среды, и созидающим её социальным актором, устанавливающим с социальной средой динамическое равновесие на основе взаимодействий и взаимоотношений.

Особого внимания заслуживают исследования, отражающие сущность влияния среды на человека. Зависимость современного человека от искусственной и природной среды, важность общности личности и среды подчёркивается в работах А.А. Дрегалю и В.И. Ульяновского [4, с. 57], Ш.Х. Ханнанова, указывающего, что именно по отношению к среде человек себя каким-либо образом проявляет, адаптируется к ней или её изменяет [21, с. 72].

В современных зарубежных исследованиях, наряду с тем, что доказано влияние окружающей среды на развитие нарушений психического здоровья [23, Mandy W., Lai M., с. 271–229], показана зависимость качества жизни людей с инвалидностью и успешности их реабилитации от обеспечения в среде доступа к основным городским и социальным ресурсам [24, Sze N.N., Christensen K.M., с. 66–73], а также их включения в трудовую деятельность [25, Laditka J.N., Laditka S.B., с. 126–134].

Таким образом, включение в социальную среду способно как усугубить нарушения здоровья человека, так и восполнить его ограниченные возможности здоровья и вернуть в общество.

В целом предпринятый нами теоретический анализ подходов к категории социальной среды позволяет определить её как совокупность социальных условий, которые способствуют или затрудняют определённый вид деятельности субъекта, в котором удовлетворяются его потребности. Соответственно, инклюзивную среду мы определяем как совокупность социальных условий, способствующих беспрепятственному осуществлению социальных взаимодействий индивидов в процессе удовлетворения их социальных потребностей. С точки зрения доступности социальная среда раскрывается через ресурсы и барьеры, образующие условия инклюзии или эксклюзии людей с инвалидностью.

Учитывая сложившееся в отечественной социологии понимание безбарьерной среды, отметим, что она должна рассматриваться не только с точки зрения оборудования инфраструктурных объектов элементами доступности, но прежде всего в контексте создания условий для социальных взаимодействий различных категорий граждан и общностей, что достигается путём преодоления разного рода барьеров, материальных и нематериальных. Более того, как отмечает Э.К. Наберушкина, сегодня в процессе создания элементов доступности для людей с инвалидностью мы, напротив, фиксируем дискриминацию по отношению к ним, делая акцент на специфическом статусе людей с инвалидностью. Это появляется в создании особых городских пространств для инвалидов, оборудовании отдельных входов в здания и выверенных логистических маршрутах, за пределами которых остаётся множество социальных барьеров [8, с. 207–208].

Как отмечено в Докладе Генерального секретаря ООН (2012 г.), доступ — это не акт и не состояние, а свобода выбора, дающая возможность войти в какую-то другую среду и участвовать в её процессах¹. Следовательно, доступность должна быть рассмотрена не только как присутствие, но и как участие. Однако на сегодняшний день в России проблема обеспечения доступности среды не решена. Человек с инвалидностью при включении в социум по-прежнему сталкивается с многочисленными барьерами, не позволяющими ему актуализировать и развивать свой человеческий потенциал, проявлять свободу выбора и выстраивать собственную жизненную стратегию. Данные барьеры не могут быть полноценно устранены только за счёт совершенствования деятельности служб социального обслуживания населения. Необходимы широкие общественные усилия по повышению доступности социальных сред, что позволит людям с инвалидностью вести независимую жизнь.

¹ Проблемы и новые тенденции в области улучшения положения инвалидов: доклад Генерального секретаря ООН/Специальный комитет по всеобъемлющей единой Международной конвенции о защите и поощрении прав и достоинств инвалидов. Нью-Йорк, 16–27 июня, 2003 г. С. 5. URL: <https://www.un.org/esa/socdev/enable/documents/ahcdocs03/issueadv-ru.pdf> (дата обращения: 03.07.2022).

С категорией доступности связано понятие универсального, или инклюзивного, дизайна, которое означает использование обществом такого дизайна предметов, обстановок, программ и услуг, который сделает их в максимально возможной степени пригодными к пользованию для всех людей без необходимости адаптации или специального дизайна², что, конечно, не исключает использования специальных устройств для конкретных лиц при необходимости. Инклюзивный дизайн расширяет возможности человека, ориентируясь не на конкретного гипотетического пользователя, а на максимально широкий круг потребителей. Главным критерием инклюзивного дизайна, на наш взгляд, выступает возможность людям с разными потребностями, в том числе с особыми, использовать одни и те же объекты, а значит — взаимодействовать. Тем самым инклюзивный дизайн отличается от вспомогательных технологий, которыми пользуются только люди с инвалидностью, что исключает из взаимодействия с ними или ставит в зависимую позицию от других людей.

Отметим также перспективность подхода А.А. Никоновой, рассматривающей создание инклюзивной среды через организацию инклюзивного города как нового типа городской среды, доступной для каждого человека [10, с. 177].

Итак, готовность социальной среды для включения в неё людей с инвалидностью раскрывается исключительно тогда, когда люди могут не только находиться в ней, но и полноценно использовать её ресурсы, что требует устранения барьеров и адаптации общественных стандартов к удовлетворению нужд людей универсальными комфортными способами. Такие средовые трансформации в узком смысле расширяют сферы и формы активности людей с инвалидностью в разных социальных средах, обеспечивая их доступ к трудоустройству, досугу, образованию, отдыху и т. д., а в широком смысле — способствуют установлению равной ценности для общества потребностей всех без исключения индивидов.

Создание безбарьерной среды особенно важно для подрастающего поколения, когда закладываются ценности, направления жизненного самоопределения, формируется личная идентичность. Анализ проблемы готовности среды регионального социума для «нетипичного» ребёнка представляет особый научный интерес и имеет значительную практическую значимость в силу того, что, с одной стороны, в современном социуме с каждым годом возрастают масштабы детской инвалидности, а с другой стороны — остаются недостаточно изученными условия и механизмы включения детей-инвалидов в общество.

Остановимся также на феномене «нетипичного» применительно к детям с инвалидностью. Благодаря восприятию нетипичности как отклонения чего-либо или кого-либо от социальных норм и правил, закреплённых в общественном сознании и институциональной структуре общества, в обществе формируются стереотипы восприятия, которые воспроизводятся в практиках дистанцирования от «инакового». Как замечает Скворцова О.В., всё, что находится за пределами нормативности, воспринимается социумом как ненормальность, отражаясь в

² Конвенция о правах инвалидов. С. 9. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 03.07.2022).

общественном восприятии через социальные символы и социальные практики [5, с. 168]. Учитывая сказанное, отношение общества к ребёнку как к нетипичному индивиду зависит от того, насколько его внешний вид, действия и поведение отвечает существующим в социуме социальным стандартам и ожиданиям.

В результате восприятия ребёнка с инвалидностью как нетипичного деформируется его взаимодействие с социальной средой, что, в свою очередь, сужает его возможности и выталкивает на периферию жизненного микросоциального пространства. Такая ситуация преодолевается использованием имеющихся ресурсов социальной среды и их обогащением с учётом потребностей развивающейся личности, для чего необходима активность как самого ребёнка, так и иных акторов социальной инклюзии.

Подчеркнём, что значимой характеристикой «нетипичных» детей выступает их крайняя уязвимость как социальной группы: как в силу их социовозрастных особенностей (несамостоятельность и зависимость от взрослых в организации своей жизнедеятельности в сочетании с ограниченностью волеизъявления), так и по причине того, что их значительная часть крайне недостаточно включена в социальные среды, причины чего требуют детального изучения.

Результаты

По результатам авторского эмпирического социологического исследования, проведённого в 2022 г. методом онлайн-анкетирования среди населения Евро-Арктического региона Российской Федерации, было выявлено состояние готовности социальной среды регионального социума к включению в него «нетипичных» детей. Выборка репрезентативная (n=861 в возрасте от 18 до 78 лет), пропорциональна числу жителей субъектов европейской части российской Арктики, включающая: представителей арктических территорий Республики Карелия — 6% (52 чел.), Республики Коми — 4,5% (39 чел.), Ненецкого Автономного округа — 3,9% (34 чел.), Архангельской области — 37,9% (326 чел.), Мурманской области — 47,6% (410 чел.). Большинство опрошенных (61,8%) имели высшее образование, 15,4% — среднее специальное, 13,2% — среднее профессиональное, 2,9% — общее полное, незаконченное высшее — 1,3%.

Обратим внимание, что в опросе при выявлении отношения к детям с инвалидностью использовалась дифференциация по видам стойких нарушений организма человека на основании принятой в российском законодательстве классификации³, из которой были выделены нарушения, вызывающие потребность в создании безбарьерной среды на материально-техническом или социально-психологическом уровнях — опорно-двигательные (далее — ОПД) нарушения, психические нарушения, нарушения зрения, слуха и нарушения, обусловленные физическим внешним уродством.

³ Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 27 августа 2019 года N 585н «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы». URL: <https://docs.cntd.ru/document/561183607> (дата обращения: 05.07.2022).

Подавляющее число опрошенных жителей Евро-Арктических территорий (99,4%) с разной периодичностью встречаются в общественных местах своих регионов с детьми и подростками с инвалидностью, то есть имеют непосредственный опыт восприятия «нетипичного» ребёнка.

Большинство опрошенных считают, что дети с инвалидностью, за исключением тех, которые имеют психические нарушения, должны находиться в общественных местах. А именно: нахождение детей с ОПД нарушениями поддерживают в целом 83,5%, детей с нарушениями слуха — 79,8%, с нарушениями зрения — 76,2%, с физическим уродством — 72,4%. В отношении нахождения детей с психическими нарушениями поддержку выразили в целом около половины опрошенных — 48,2% респондентов, 36,9% отметили, что нахождение данной категории в общественных местах должно быть лишь при определённых условиях (рис. 1).

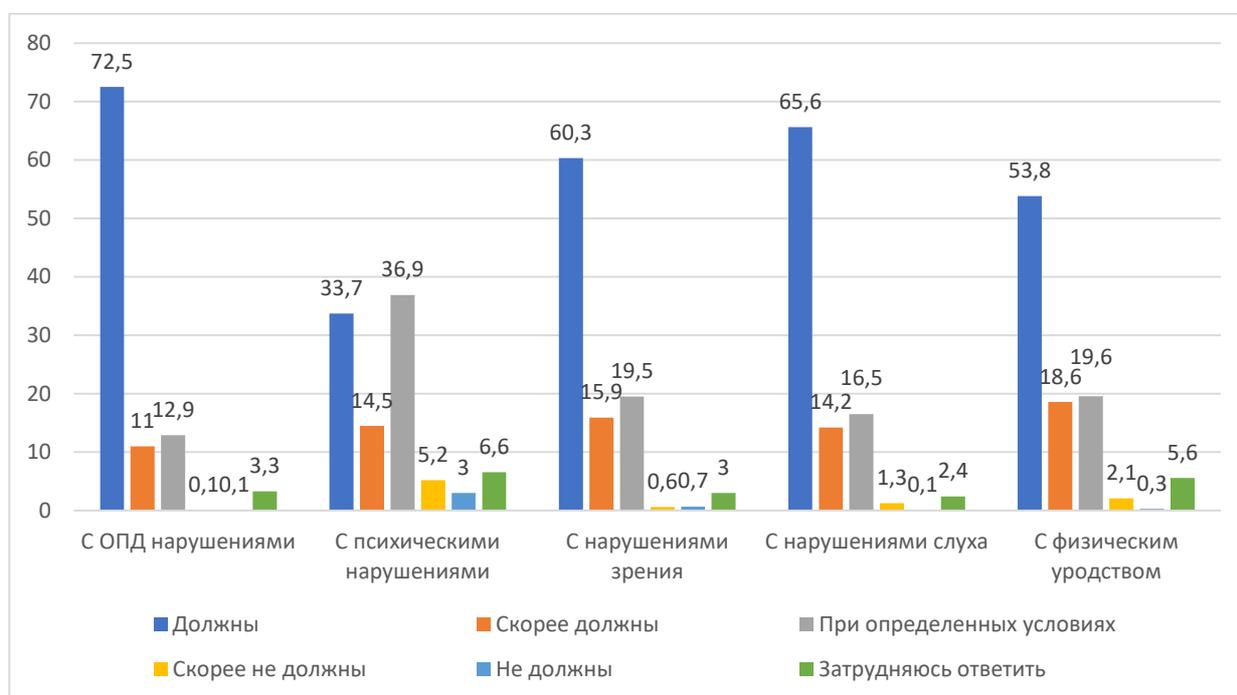

Рис. 1. Мнения респондентов о необходимости нахождения детей с инвалидностью в общественных местах, %.

В зависимости от региональной принадлежности, мнения о том, что дети с инвалидностью определённо не должны или скорее не должны находиться в общественных местах, преобладают среди представителей Республики Карелия. Причём это мнение распространено в отношении детей со всеми выделенными типами нарушений, за исключением ОПД. Меньше всего подобных мнений среди респондентов из НАО (2,9%).

В отношении детей с физическим уродством отрицательнее всего настроены респонденты из Республики Карелия (16,7%), затем — Республики Коми (5,2%), Архангельской области (1,8%) и Мурманской области (1,2%).

В отношении детей с психическими нарушениями ответы «скорее не должны» и «определённо не должны» дали во всех опрашиваемых регионах: 15,4% респондента из

Республики Коми, 10,4% из Архангельской области, 7,0% из Республики Карелия, 6,6% из Мурманской области, 2,9% из НАО.

Считают, что дети с нарушениями слуха скорее не должны и не должны находиться в общественных местах 12,5% респондентов из Республики Карелия, 1,2% из Мурманской области, 0,3% из Архангельской области. Отрицательные ответы в отношении детей с нарушениями зрения дали 2,3% респондента из Республики Карелия, 2,2% из Мурманской области, 0,3% из Архангельской области. Считают, что дети с ОПД нарушениями скорее не должны и определённо не должны находиться в общественных местах 2,5% представителей Республики Коми и 0,2% Мурманской области соответственно (рис. 2).

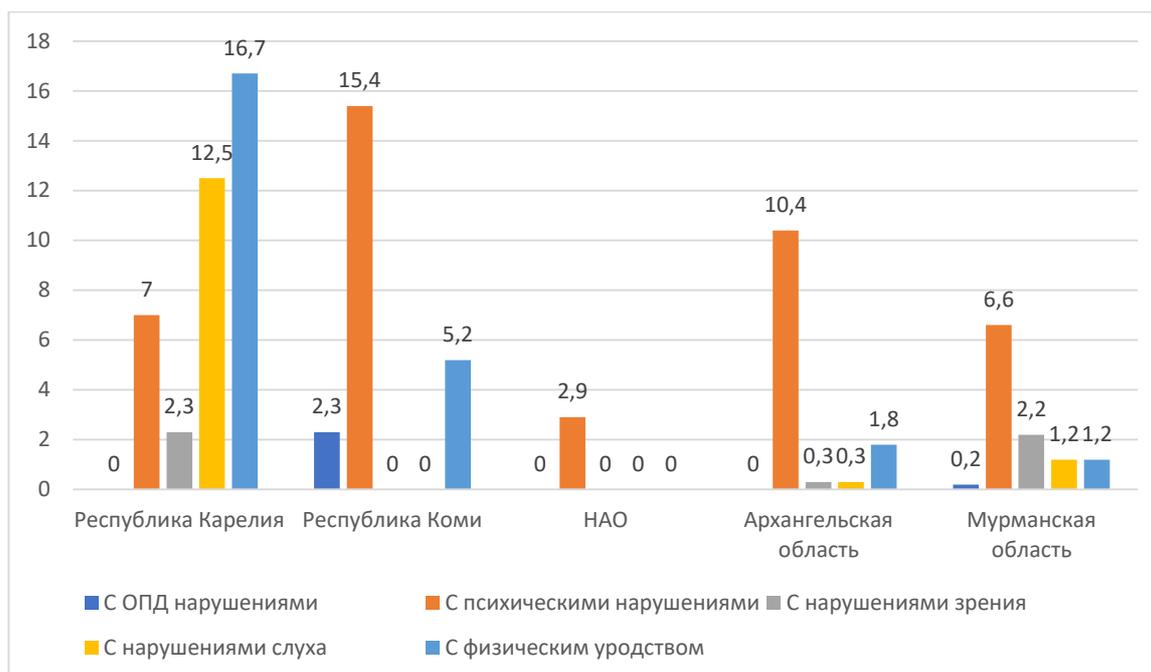

Рис. 2. Распределение отрицательных ответов респондентов о нахождении детей с инвалидностью в общественных местах в зависимости от региона проживания, %.

Выявляя представления респондентов об уровне доступности социальной инфраструктуры их «домашних» регионов, было обнаружено, что более трети опрошенных (37,5%) считают, что социальная инфраструктура их регионов является в меньшей мере доступной для людей с инвалидностью, почти столько же (34,3%) отмечают, что инфраструктура доступна лишь наполовину (рис. 3).

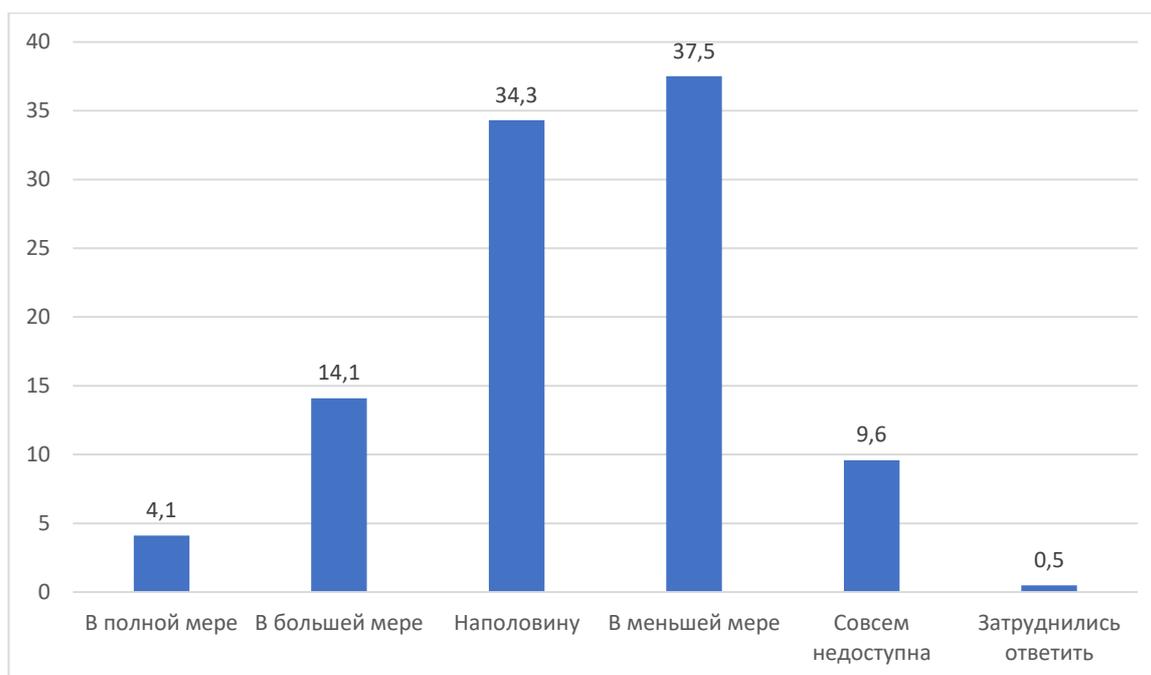

Рис. 3. Мнения респондентов об уровне доступности социальной инфраструктуры их регионов для людей с инвалидностью, %.

Около половины опрошенных респондентов из Республики Коми (48,7%) и НАО (44,1%) указали на то, что инфраструктура их региона в меньшей мере доступна. В других регионах подобная оценка хоть и несколько доминирует, но близка к ответу «наполовину». При этом показатель «совсем не готова» выше в Республике Карелия (16,7%) и Мурманской области (11,5%) по сравнению с другими регионами (рис. 4).

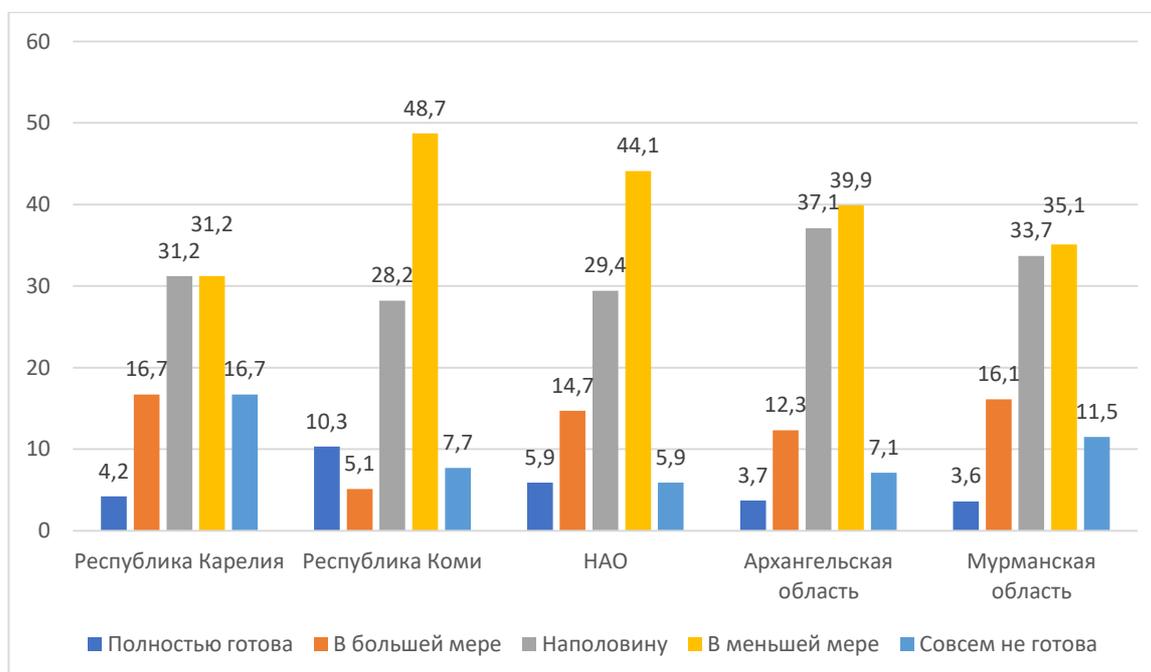

Рис. 4. Представления о доступности социальной инфраструктуры для людей с инвалидностью в зависимости от регионов респондентов, %.

Индекс доступности социальной инфраструктуры по регионам следующий (где 1 — полностью доступна, -1 — полностью недоступна): в Республике Коми — -0,52, в Архангель-

ской области — -0,31, в НАО — -0,29, в Республике Карелия — -0,27, в Мурманской области — -0,26. Совокупный индекс оценок доступности объектов инфраструктуры Евро-Арктических территорий составляет -0,3.

Учитывая, что образование играет важнейшую роль в инклюзии детей с инвалидностью в ходе их социализации, респондентам был задан вопрос относительно типа образовательного учреждения для обучения детей с теми или иными нарушениями. Мнения опрошенных несколько перевесили в сторону обычного (массового) учреждения только для детей с ОПД нарушениями, однако при этом составили менее половины (47,9%). Остальные категории, по мнению респондентов, должны обучаться преимущественно в специализированных учреждениях — от 42,2% для лиц с физическим уродством до 74,4% для детей с психическими нарушениями. В отношении детей с данными двумя типами нарушений более высокий процент ответов «на домашнем обучении», что указывает на неготовность общественности к совместному обучению детей (рис. 5).

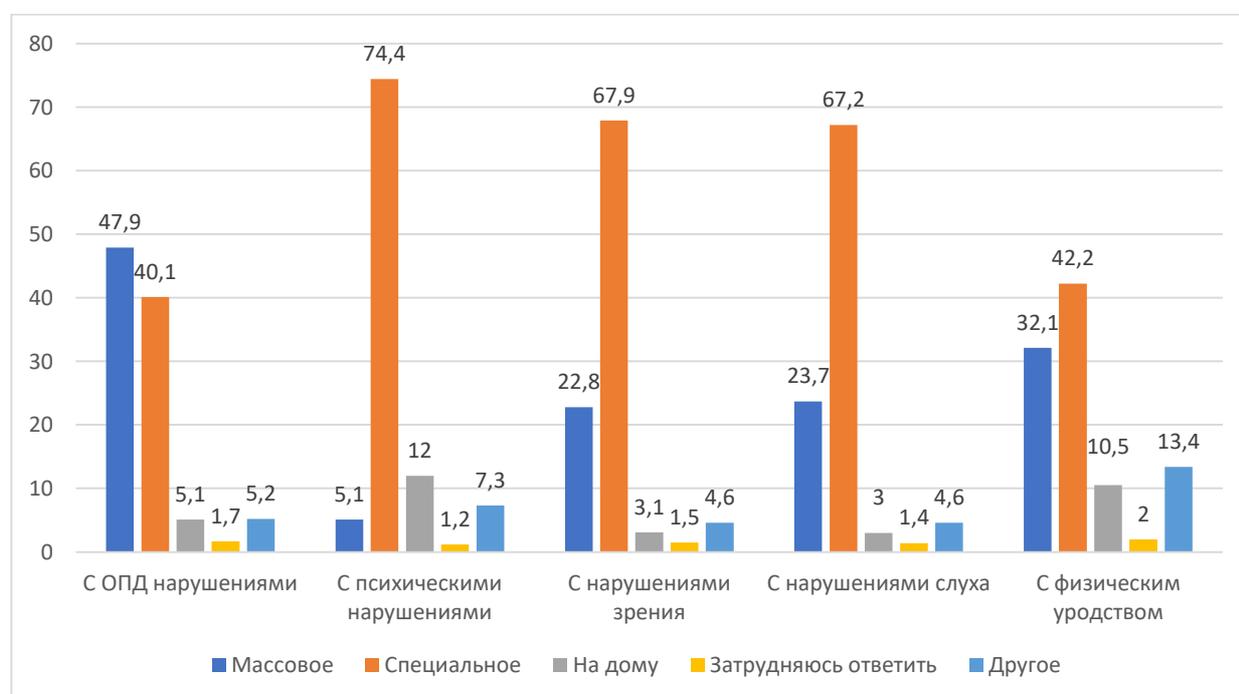

Рис. 5. Представления респондентов о том, где должны обучаться дети с инвалидностью с различными типами нарушений, %.

В зависимости от региона проживания респондентов мнения об обучении детей имеют различия лишь в отношении детей с ОПД нарушениями и детей с физическим уродством, по детям с остальными типами нарушений распределение ответов соответствует приведённым данным в целом.

В отношении детей с ОПД нарушениями мнения разделились следующим образом: представители Республики Коми, НАО и Мурманской области в большинстве за совместное обучение детей вне зависимости от состояния здоровья (56,4%, 67,6% и 52,7% соответственно); респонденты из Архангельской области приоритет отдают специализированным учреждениям (53,4%); 42,3% респондентов из Республики Карелия также за специализированные

учреждения, а 15,4% — за обучение на дому. Наиболее высокая доля мнений об обучении детей с инвалидностью на дому у представителей Республики Карелия — у представителей других регионов этот показатель незначителен (табл. 1).

Таблица 1

Мнения респондентов о типах учреждения для обучения детей с инвалидностью, в зависимости от региона проживания и видов нарушения здоровья, %

Место обучения	Виды нарушений	Регион проживания				
		Республика Карелия	Республика Коми	Ненецкий Автономный округ	Архангельская область	Мурманская область
В обычном образовательном учреждении	ОПД	40,4	56,4	67,6	39,9	52,7
	Психические	5,8	0	8,8	0,9	8,5
	Зрения	21,1	17,9	44,1	14,4	28,3
	Слуха	19,2	20,5	47,1	16,0	28,8
	Уродство	28,8	35,9	50,0	27,3	34,4
В специализированном учреждении	ОПД	42,3	38,5	20,6	53,4	31,0
	Психические	63,5	87,2	73,5	80,4	70,0
	Зрения	65,4	82,1	52,9	78,5	59,7
	Слуха	67,3	79,5	50,0	77,3	59,5
	Уродство	46,1	51,3	35,3	47,5	37,1
На домашнем обучении	ОПД	15,4	2,6	2,9	2,4	6,3
	Психические	25,0	10,3	2,9	14,1	9,5
	Зрения	11,5	0	0	2,8	2,9
	Слуха	11,5	0	0	2,8	2,7
	Уродство	9,6	5,1	0	11,7	11,0
Затрудняюсь ответить	ОПД	1,9	2,6	8,8	4,3	10
	Психические	5,8	2,6	14,7	4,6	12,0
	Зрения	0	0	2,9	1,8	1,5
	Слуха	1,9	0	2,9	4,0	9,0
	Уродство	15,4	7,7	14,7	13,5	17,6

В контексте выявления уровня готовности социальной среды для включения в неё детей с инвалидностью мы посчитали важным задать респондентам вопрос о сферах деятельности, в которых может быть успешен ребёнок с инвалидностью, чтобы рассмотреть косвенный показатель общественной оценки социального потенциала детей и осознания потребности в создании безбарьерной среды в каждой названной сфере.

Жители Евро-Арктического региона полагают, что в досуговой и развлекательной деятельности могут добиться успеха в большей мере дети с физическим внешним уродством — средний балл составляет 3,32 балла из 5-ти, где 5 — максимальное значение; затем — дети с нарушениями слуха — 3,30 балла, дети с нарушениями зрения — 3,24 балла и дети с ОПД нарушениями — 3,15 балла. Мнения о возможной успешности детей с психическими нарушениями на среднем уровне — 2,54 балла.

В спортивной деятельности могут добиться успеха, по мнению опрошенных, в большей мере дети с нарушением слуха — 3,80 балла и дети с физическим внешним уродством — 3,54 балла. Далее следуют дети с психическими нарушениями — 2,81 балла, дети с нарушениями зрения — 2,87 балла, дети с ОПД нарушениями — 2,80 балла.

В творческой и развивающей деятельности могут добиться успеха, по мнению респондентов, прежде всего дети с ОПД нарушениями (4,09 балла) и дети с внешним урод-

ством (4,05 балла); затем — дети с нарушением слуха (3,93 балла); дети с нарушением зрения (3,66 балла) и дети с психическими нарушениями (3,38 балла).

В учебной деятельности больший балл получили дети с ОПД нарушениями (4,25 балла) и дети с физическим внешним уродством (4,05 балла); затем — дети с нарушением слуха (3,94 балла), дети с нарушением зрения (3,81 балла), дети с психическими нарушениями (2,66 балла).

В повседневных бытовых делах могут добиться успеха, по мнению опрошенных, прежде всего дети с нарушением слуха (4,13 балла) и дети с внешним уродством (4,07 балла); затем — дети с нарушением зрения (3,55 балла), дети с ОПД нарушениями (3,49 балла) и дети с психическими нарушениями (3,30 балла).

Средний балл по всем рассмотренным сферам составляет для детей с нарушениями слуха — 3,82 балла, с физическим уродством — 3,81 балла, с нарушениями зрения — 3,43 балла, с ОПД нарушениями — 3,56 балла, с психическими нарушениями — 2,94 балла (рис. 6).

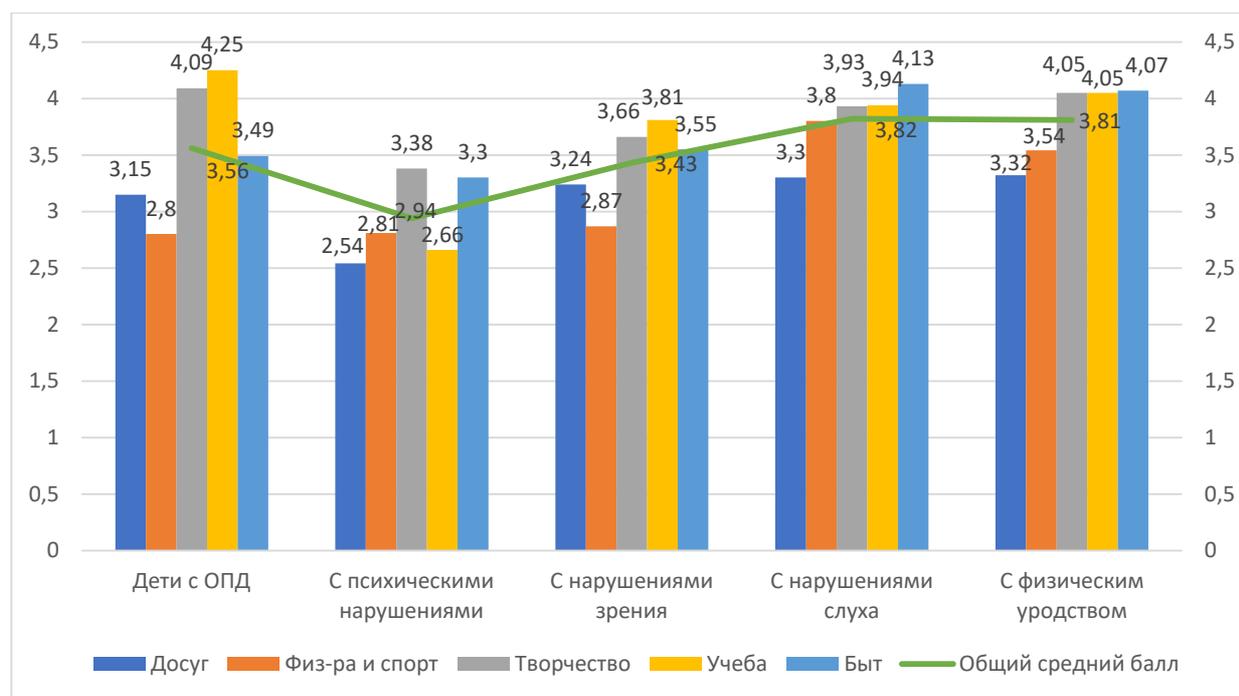

Рис. 6. Мнения респондентов об успешности детей с инвалидностью в различных видах деятельности, в баллах от 1 до 5, где 1 — минимальное, 5 — максимальное значение.

Большую успешность для детей с ОПД нарушениями респонденты видят в учебной и творческой деятельности, для детей с нарушением слуха — в повседневной бытовой деятельности, для детей с физическим уродством — в бытовой, учебной и творческой деятельности. По данным категориям детей применительно к указанным сферам получены баллы выше среднего. Что касается детей с нарушением зрения и с психическими нарушениями, то, по оценкам опрошенных, их шансы на успех ближе к среднему. Тем не менее, несколько

выше респонденты выделяют для первой категории детей учебную деятельность, для второй — творческую.

Итак, выявлена зависимость между типом нарушения здоровья ребёнка и его социальной успешностью в представлениях граждан. Меньше всего шансов на успех респонденты отводят детям с психическими нарушениями, по сравнению с детьми, имеющими другие заболевания. В целом граждане исследуемых регионов полагают, что дети с инвалидностью с большей вероятностью могут добиться успеха в творческой, учебной и повседневной бытовой деятельности

При оценке готовности респондентов оказать помощь ребёнку с инвалидностью, что является одной из важных деятельностных сторон инклюзии, был выявлен высокий уровень готовности. Однако респонденты готовы охотно помогать детям не со всеми типами нарушений: если детям с ОПД нарушениями, зрения, слуха и с физическим уродством респонденты готовы оказывать помощь при необходимости (от 72,4% до 80,3%), то детям с психическими нарушениями готовность помочь выразили только чуть более половины опрошенных (53,8%). В отношении детей с психическими нарушениями, соответственно, выше уровень тех, кто не готов помогать ни в каких случаях (28,9%). В отношении остальных категорий уровень не готовых помочь составляет от 15,8% до 18,6% (рис. 7).

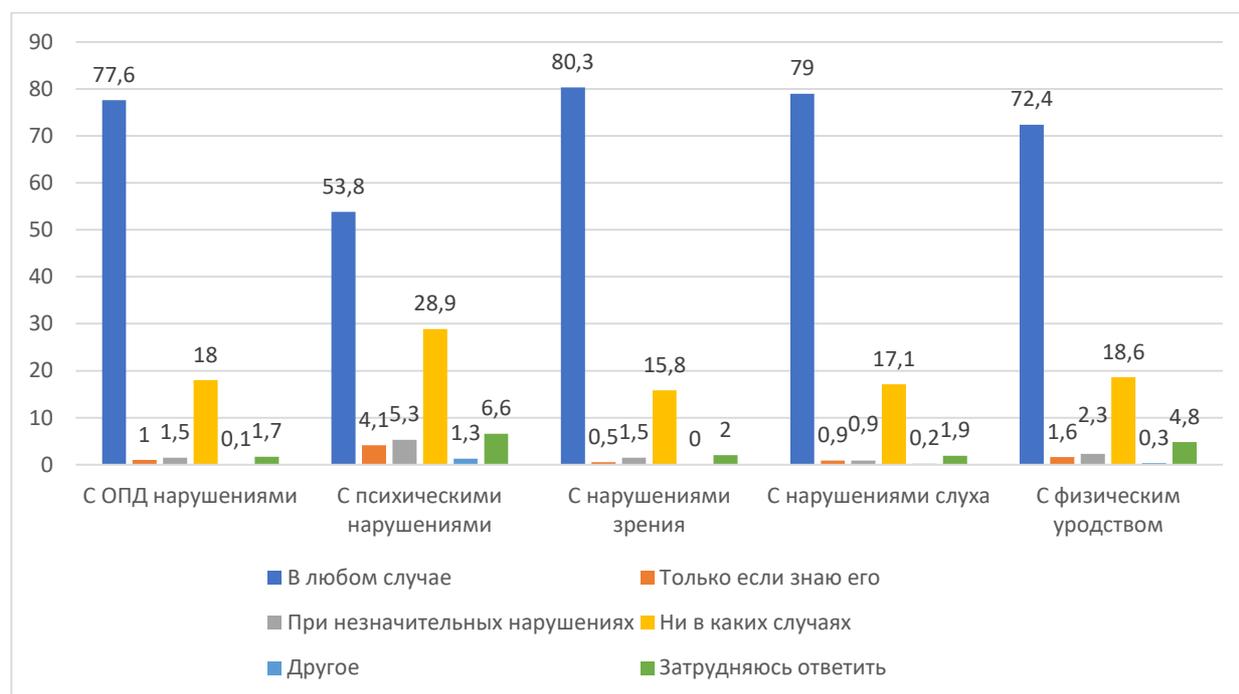

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «В каких случаях Вы могли бы прийти на помощь ребёнку с инвалидностью, при необходимости?», %.

Причём, если к детям с психическими нарушениями респонденты показывают меньшую лояльность в том, чтобы прийти им на помощь, то к детям с нарушениями зрения — несколько большую по сравнению с другими категориями детей с инвалидностью, что видно по наивысшему проценту готовых прийти на помощь (80,3%) и наименьшему проценту не готовых.

В зависимости от региона проживания неготовность прийти на помощь ребёнку с ОПД нарушениями среди респондентов в большей мере выразили представители Республики Коми (20,5%) и Мурманской области (20,0%). Представителей НАО, ответивших таким образом — 17,6%, Архангельской области — 17,2%, Республики Карелия — 5,8%.

В числе тех, кто не готов помогать детям с психическими нарушениями ни в каких случаях, несколько более четверти представителей Республики Коми (25,6%) и НАО (26,4%), около третьей части респондентов Архангельской области (30,9%) и Мурманской области (29,7%). В Республике Карелия не готовы помогать 13,5% респондентов.

Не готовы прийти на помощь детям с нарушением зрения из Мурманской области 18,5% респондентов, из НАО — 17,6%, из Архангельской области — 14,4%, из Республики Коми — 12,8%, из Республики Карелия — 1,9%. Примерно такие же распределения ответов о неготовности прийти на помощь детям с нарушением слуха: так ответили 20,7% респондентов из Мурманской области, 17,6% из НАО, 15,3% из Архангельской области, 12,8% из Республики Коми, 1,9% из Республики Карелия.

Не готовы прийти на помощь детям с физическим уродством НАО — 26,5% опрошенных, Мурманской области — 20,2%, Архангельской области — 18,7%, Республики Коми — 15,3%, Республики Карелия — 1,9%.

Приведённые данные указывают на большую готовность к оказанию помощи детям с инвалидностью респондентов из Республики Карелия.

При выявлении представлений о детях с инвалидностью и их социальном положении в социуме результаты опроса показали неготовность населения Евро-Арктических территорий давать оценки положения данной категории, в результате чего получено большое количество затруднившихся ответить. Тем не менее, представим полученные тенденции.

В целом четверть опрошенных (26,9%) считает инвалидизированных детей отличающимися от детей с нормотипичным состоянием здоровья по своим человеческим качествам, тогда как 11,1% так не считают, затруднились ответить 62%. При этом об отличии заявила третья часть респондентов, проживающих в Архангельской области (35,3%), четверть респондентов из Мурманска (25,6%), пятая часть жителей НАО (10,3%) и 10,3% жителей Республики Коми.

Детям с инвалидностью не обязательно должно быть доступно всё то же, что детям с нормотипичным состоянием здоровья — так ответила почти четверть опрошенных (24,8%), тогда как о необходимости доступности одних и тех же благ высказались лишь 8,8%, затруднились ответить 66,4%. Среди допускающих недоступность благ для детей с инвалидностью в той же мере, что и для нормотипичных детей, представители регионов распределились следующим образом: 38,5% — жители Республики Карелия, 27,6% — Архангельской области, 21,7% — Мурманской области, 20,5% — Республики Коми, 17,6% — НАО.

Была выявлена также недооценка почти четвертью опрошенных (22,6%) роли создания доступной среды в самореализации детей с инвалидностью. Лишь 4,2% считает, что до-

ступная среда будет способствовать самореализации детей, 63,2% затруднились ответить. Среди недооценивающих значимость доступной среды в самореализации детей с инвалидностью регионы представлены следующим образом: 51,9% — респонденты Республики Карелия, 39,3% — Архангельской области, 38,2% — НАО, 26,1% — Мурманской области, 15,4% — Республики Коми.

Однако в плане социальной адаптации мнения гораздо оптимистичнее — больше половины опрошенных (57,0%) считают, что данные дети вполне могут адаптироваться в сообществе нормотипичных сверстников, и только 13,9% указали обратное, затруднились ответить 29%.

Отвечая на вопрос о важности для ребёнка с инвалидностью иметь «обычное» детство также получены отрицательные ответы около пятой части опрошенных (18,3%); положительно ответили на этот вопрос лишь 3,6%, затруднились ответить 78%. Из отрицательно ответивших регионы представлены следующим образом: 36,5% — респонденты Республики Карелия, 19,6% — Архангельской области, 16,8% — Мурманской области, 8,8% — НАО, 7,7% — Республики Коми.

Итак, в целом результаты эмпирического исследования показали, что большинство респондентов готовы видеть в общественных местах детей с инвалидностью с различными видами нарушений, но в меньшей мере — с психическими (готовы к этому лишь 48,2%). Однако в плане обучения детей с инвалидностью социум готов к обучению в массовых учреждениях только детей с ОПД нарушениями. Максимальное неприятие в качестве включения в массовые учреждения обнаруживается для детей с психическими нарушениями, нарушениями зрения и слуха. Данные категории детей должны учиться, по мнению большинства опрошенных, в специализированных учреждениях (мнения от 74,4% до 67,2% респондентов). Причём указанное отношение свойственно респондентам всех регионов.

По мнению респондентов, социальная инфраструктура Евро-Арктического региона скорее недоступна, чем доступна для включения в социум детей с инвалидностью. При этом в Республике Коми самый низкий индекс доступности (-0,52), однако в других регионах он также имеет отрицательные значения.

Респонденты считают, что дети с инвалидностью в целом могут добиться успеха в творческой, учебной и бытовой деятельности. Однако при оценке успешности меньшим потенциалом наделяются дети с психическими нарушениями, а высоким — лишь дети с ОПД нарушениями.

Результаты исследования показывают зависимость уровня готовности социума Евро-Арктических территорий к инклюзии в региональный социум детей с инвалидностью от типа нарушения здоровья, где в зоне риска — дети с психическими нарушениями.

Заключение

В целом результаты проведённого исследования показывают недостаточную материально-техническую и социально-психологическую готовность региональной среды Евро-Арктических территорий к инклюзии детей с инвалидностью. Так, были выявлены мнения о неготовности инфраструктуры регионов для включения в социум людей с инвалидностью, в том числе детей. При этом выявлена недооценка роли создания доступной среды для успешной самореализации «нетипичных» детей. Имеется недоверие к тому, что дети с инвалидностью за пределами специальных образовательных учреждений смогут успешно обучаться в массовых школах. Исследование показало недооценку потенциала детей с психическими нарушениями по сравнению с другими категориями нарушений. Кроме того, респонденты в меньшей мере хотели бы видеть данную категорию в общественных местах, в массовых образовательных учреждениях, меньше готовы приходить им на помощь. Можно сказать также о несформированности у почти пятой части опрошенных (18,3%) понимания важности для «нетипичного» ребёнка иметь «обычное» детство, со всеми его атрибутами и практиками, свойственными детям в процессе взросления и социализации. Полученные данные свойственны в той или иной мере всем территориальным субъектам Евро-Арктического региона, что свидетельствует об их неготовности на сегодняшний день к включению детей с инвалидностью и о существующих барьерах для дальнейшего развития инклюзивных процессов.

Список источников

1. Zhigunova G.V., Afonkina Y.A. Accessibility of urban and rural environment of the Kola North of Russia (Murmansk region) for disabled people // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. II International Scientific Practical Conference "Breakthrough Technologies and Communications in Industry and City". BTCI 2019. 2020. Pp. 012035. DOI: 10.1088/1757-899X/828/1/012035
2. Афонькина Ю.А. Субъектный подход к изучению проблемы инвалидности в современном обществе // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3 (59). С. 260–272. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-3-21
3. Усова Л.В. Доступная среда: анализ положения в регионе // Colloquium-journal. 2020. № 5–4 (57). С. 29–30. DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11408
4. Дрегалю А.А., Ульяновский В.И. Социологический потенциал исследования социального пространства северных регионов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 56–62.
5. Скворцова В.О. Социальные аспекты в изучении нетипичного развития личности ребёнка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. 2014. Т. 3. Вып. 2. С. 168–174. DOI: 10.18500/2304-9790-2014-3-2-168-174
6. Ревич Б.А. Риски здоровья населения при изменении климата арктического макрорегиона // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2020. № 18. С. 395–408. DOI: 10.47711/2076-318-2020-395-408
7. Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997. 268 с.
8. Наберушкина Э.К. Перспективы создания доступной среды // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2012. Вып. 1. № 1 (63). С. 205–208.
9. Романов П.В., Смирнова-Ярская Е.Р. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов, 2006. 260 с.

10. Никонова А.А. Государственная программа «Доступная среда на 2011-2015 годы» как фактор ликвидации барьеров инвалидности в России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 1 (33). С. 76–88. DOI: 10.17223/1998863X/33/9
11. Жигунова Г.В. Ювенальная инвалидность в России: монография. Мурманск: Изд-во МГТУ, 2012. 250 с.
12. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Москва: Канон, 1996. 430 с.
13. Парсонс Т. О теории и метатеории // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. Ч. 2 / сост и общ. ред. С.П. Баньковский. Москва: Кн. Дом «Университет», 2002. С. 5–16.
14. Barker R.G. Ecological psychology: Concept and methods for studying the environment of human behavior. Stanford University Press, 1968. 246 p.
15. Парк Р.Э. Избранные очерки: сборник переводов / Под ред. Д.В. Ефременко. Москва: Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2011. 321 с.
16. Wirth L. Urbanism as a way of life // American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. Iss. 1. Pp. 1–24.
17. Mooney F., Rafique N., Tilly L. Getting involved in the community-What stops us? Findings from an inclusive research project // British Journal of learning disabilities. 2019. Vol. 47. Iss. 4. Pp. 241–246. DOI: 10.1111/BLD.12283
18. Sandjojo J., Gebhardt W.A., Zedlitz A., Hoekman J. et al. Promoting Independence of People with Intellectual Disabilities: A Focus Group Study Perspectives from People with Intellectual Disabilities, Legal Representatives, and Support Staff // Journal of policy and practice in intellectual disabilities. 2019. Vol. 16. Iss. 1. Pp. 37–52. DOI: 10.1111/JPPI.12265
19. Sandjojo J., Gebhardt W.A., Zedlitz A., Hoekman J. ets. Predicting Postsecondary Education and Employment Outcomes Using Results from the Transition Assessment and Goal Generator // Career development and transition for exceptional individuals. 2018. Vol. 1. Iss. 2. Pp. 111–122. DOI: 10.1177/2165143417705353
20. Tudzi E.P., Bugri J.T., Danso A.K. Human Rights of Students with Disabilities in Ghana: Accessibility of the University Built Environment // Nordic Journal of Human Rights. 2017. Vol. 35. Iss. 3. Pp. 275–294. DOI: 10.1080/18918131.2017.1348678
21. Ханнанов Ш.К. Средовой подход в социологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 1. С. 72–77.
22. Тощенко Ж.Т. Парадигмы, структуры и уровни социологического анализа // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 145–147.
23. Mandy W., Lai M. Annual Research Review: The role of the environment in the developmental psychopathology of autism spectrum condition // Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines. 2016. Vol. 57. Iss. 3. Pp. 271–292. DOI: 10.1111/jcpp.12501
24. Sze N.N., Christensen K.M. Access to urban transportation system for individuals with disabilities // IATSS Research. 2017. Vol. 41. Iss. 2. Pp. 66–73. DOI: 10.1016/j.iatsr.2017.05.002
25. Laditka J.N., Laditka S.B. Work disability in the United States, 1968–2015: Prevalence, duration, recovery, and trends // Population Health. 2018. Vol. 4. Pp. 126–134. DOI: 10.1016/j.ssmph.2017.12.006

References

1. Zhigunova G.V., Afonkina Y.A. Accessibility of Urban and Rural Environment of the Kola North of Russia (Murmansk Region) for Disabled People. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. II International Scientific Practical Conference "Breakthrough Technologies and Communications in Industry and City". BTCI 2019, 2020*, pp. 012035. DOI: 10.1088/1757-899X/828/1/012035
2. Afonkina Yu.A. Sub"ektnyy podkhod k izucheniyu problemy invalidnosti v sovremennom obshchestve [The Subjective Approach to the Study of Disability in the Modern Society]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2016, no. 3 (59), pp. 260–272. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-3-21
3. Usova L.V. Dostupnaya sreda: analiz polozheniya v regione [Accessible Environment: Situation Analysis in the Region]. *Colloquium-journal*, 2020, no. 5–4 (57), pp. 29–30. DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11408

4. Dregalo A.A., Ulyanovsky V.I. Sotsiologicheskii potentsial issledovaniya sotsial'nogo prostranstva severnykh regionov [Sociological Potential of Social Space Researches of Northern Regions]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Ser.: Humanitarian and Social Sciences], 2012, no. 1, pp. 56–62.
5. Skvortsova V.O. Sotsial'nye aspekty v izuchenii netipichnogo razvitiya lichnosti rebenka [Social Aspects in the Study of Non-Typical Personal Development]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology], 2014, vol. 3, iss. 2, pp. 168–174. DOI: 10.18500/2304-9790-2014-3-2-168-174
6. Revich B.A. Riski zdorov'ya naseleniya pri izmenenii klimata arkticheskogo makroregiona [Health Risks Induced by Climate Change in Arctic Macroregion]. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific Papers IEF RAS], 2020, no. 18, pp. 395–408. DOI: 10.47711/2076-318-2020-395-408
7. Yarskaya-Smirnova E.R. *Sotsiokul'turnyy analiz netipichnosti* [Sociocultural Analysis of Atypicality]. Saratov, SGTU Publ., 1997, 268 p. (In Russ.)
8. Naberushkina E.K. Perspektivy sozdaniya dostupnoy sredy [Prospects of Creating an Accessible Environment]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Vestnik of Saratov State Technical University], 2012, iss. 1, no. 1 (63), pp. 205–208.
9. Romanov P.V., Smirnova-Yarskaya E.R. *Politika invalidnosti: sotsial'noe grazhdanstvo invalidov v sovremennoy Rossii* [Disability Politics: Social Citizenship of the Disabled in Modern Russia]. Saratov, 2006, 260 p.
10. Nikonova A.A. Gosudarstvennaya programma «Dostupnaya sreda na 2011-2015 gody» kak faktor likvidatsii bar'erov invalidnosti v Rossii [The State Program "Accessible Environment" as Condition of Dissolution of Disability Barriers in Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 2016, no. 1 (33), pp. 76–88. DOI: 10.17223/1998863X/33/9
11. Zhigunova G.V. *Yuvenal'naya invalidnost' v Rossii: monografiya* [Juvenile Disability in Russia]. Murmansk, MSTU Publ., 2012, 250 p.
12. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the Division of Social Labor]. Moscow, Kanon Publ., 1996, 430 p. (In Russ.)
13. Parsons T. O teorii i metateorii [On Theory and Metatheory]. In: *Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya* [Theoretical Sociology: Anthology]. Moscow, Universitet Publ. House, 2002, pp. 5–16. (In Russ.)
14. Barker R.G. *Ecological Psychology: Concept and Methods for Studying the Environment of Human Behavior*. Stanford University Press, 1968, 246 p.
15. Park R.E. *Izbrannye ocherki: sbornik perevodov* [Selected Essays: Collection of Translations]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) Publ., 2011, 321 p. (In Russ.)
16. Wirth L. Urbanism as a Way of Life. *American Journal of Sociology*, 1938, vol. 44, iss. 1, pp. 1–24.
17. Mooney F., Rafique N., Tilly L. Getting Involved in the Community-What Stops Us? Findings from an Inclusive Research Project. *British Journal of Learning Disabilities*, 2019, vol. 47, iss. 4, pp. 241–246. DOI: 10.1111/BLD.12283
18. Sandjojo J., Gebhardt W.A., Zedlitz A., Hoekman J. et al. Promoting Independence of People with Intellectual Disabilities: A Focus Group Study Perspectives from People with Intellectual Disabilities, Legal Representatives, and Support Staff. *Journal of Policy and Practice in Intellectual Disabilities*, 2019, vol. 16, iss. 1, pp. 37–52. DOI: 10.1111/JPPI.12265
19. Sandjojo J., Gebhardt W.A., Zedlitz A., Hoekman J. Predicting Postsecondary Education and Employment Outcomes Using Results from the Transition Assessment and Goal Generator. *Career Development and Transition for Exceptional Individuals*, 2018, vol. 1, iss. 2, pp. 111–122. DOI: 10.1177/2165143417705353
20. Tudzi E.P., Bugri J.T., Danso A.K. Human Rights of Students with Disabilities in Ghana: Accessibility of the University Built Environment. *Nordic Journal of Human Rights*, 2017, vol. 35, iss. 3, pp. 275–294. DOI: 10.1080/18918131.2017.1348678

21. Khannanov Sh.K. Sredovoy podkhod v sotsiologii [Environmental approach in sociology]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], 2011, no. 1, pp. 72–77.
22. Toshchenko Zh.T. Paradigmy, struktury i urovni sotsiologicheskogo analiza [Paradigms, Structure and Levels of Sociological Analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2007, no. 9, pp. 145–147.
23. Mandy W., Lai M. Annual Research Review: The Role of the Environment in the Developmental Psychopathology of Autism Spectrum Condition. *Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines*, 2016, vol. 57, iss. 3, pp. 271–292. DOI: 10.1111/jcpp.12501
24. Sze N.N., Christensen K.M. Access to Urban Transportation System for Individuals with Disabilities. *IATSS Research*, 2017, vol. 41, iss. 2, pp. 66–73. DOI: 10.1016/j.iatssr.2017.05.002
25. Laditka J.N., Laditka S.B. Work Disability in the United States, 1968–2015: Prevalence, Duration, Recovery, and Trends. *Population Health*, 2018, vol. 4, pp. 126–134. DOI: 10.1016/j.ssmph.2017.12.006

Статья поступила в редакцию 12.07.2022; одобрена после рецензирования 18.07.2022; принята к публикации 19.07.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.